

ГЛАВА 1

Разговор этот еще долго потом не давал Мурину покоя.

— Не буду от тебя скрывать, — предупредил Ипполит. — После той истории с корнетом Прошиным тобой остались недовольны.

Оба брата Мурина прекрасно понимали, кто такие эти «они».

— Мной? — поднял брови Матвей. — За то, что я очистил Прошина от подозрений?

— За то, что ты вмешался в такое сомнительное дело.

— Как же сомнительное? Оно теперь уже прояснено так, что ни у кого не осталось сомнений — с Прошиным его высочество лобызался у всех на глазах.

Ипполит скривился.

— Прошин бы и без тебя не пропал.

— Мне так не показалось.

— У него полно заступниц.

— Что-то я их не заметил.

— Скажешь, ты и тетку его не заметил?

— Старуху Глазову?!

— Она влиятельная фигура в Петербурге. Она бы растормошила и подняла за собой всех этих своих дряхлых подруг вплоть до княгини Голицыной. Затем они втянули бы в дело вдовствующую императрицу.

Известно, как это нравится государю. Со старухами в Петербурге, милый мой, не рискнет связываться даже он.

— Тут ты ошибаешься.

— Насчет государя и его матушки? Не думаю.

— Насчет старухи Глазовой. Ни в какой крестовый поход ради племянника Глазова не собиралась. Она его такими проклятиями осыпала! Нет, мол, у меня больше племянника.

Ипполит неумело свистнул:

— Ха-ха, — и саркастически закатил глаза.

— Я там сам был. Я слышал! Проклинала.

— Еще раз ха-ха.

Матвей покорно вздохнул:

— Тогда я точно не понимаю. Ваш петербургский свет — это какое-то... какое-то...

— Вот именно! — Ипполит вынул портсигар. Достал папиросу, щелкнул крышкой. На крышке был вензель государя. Ипполит получил портсигар в подарок. — Поэтому уж доверься в таких вопросах мне. Тем более что я желаю тебе добра.

— Чем же они недовольны? — Мурин язвительно выделит «они». — Ведь я снял с Прошина обвинения. А ты сказал, это позволило избежать великого похода старух во главе с вдовствующей императрицей. Уж этим-то «они» должны быть довольны!

— Недовольны тобой.

— Хорошо. Я слушаю. — Матвей скрестил руки на груди.

Ипполит покачал головой и выпустил дым.

— Ты проявил себя как человек самовольный и неуправляемый. Такое никто не любит.

Матвей ждал продолжения. Но его не последовало. Ипполит внимательно смотрел в лицо брата. И добавил мягким тоном:

— Я же вижу, что и ты сам недоволен собой. Уж меня не обманешь. Я вижу это по твоему лицу.

Матвей покачал головой. Спорить со старшим братом было бессмысленно. Во-первых, Ипполит был проницателен. Его беспримерная политическая карьера была тому подтверждением. Во-вторых, и в этот раз он оказался прав. Матвей вздохнул, руки его расплелись, соскользнули.

— Да. Но, Ипполит, вся та история меня гнетет совсем не тем, чем тебя. Плевал я на то, что обо мне теперь думают в свете. Случись все сейчас, я поступил бы точно так же.

Ипполит внимательно смотрел ему в лицо:

— И это именно то, что тебя гнетет.

— Да. Я...

«Я обдуманно отдал преступника — графа Курского — в руки его палачу и не чувствую по этому поводу ни раскаяния, ни жалости, ни сожаления. Ничего. Вот что меня гнетет», — мог бы добавить он. Но не стал. Не все обстоятельства Ипполиту следовало знать. Матвей отмахнулся:

— Ах, я толком не умею выражаться, — и отвел взгляд, потому что от взора брата не ускользало ничего.

— Ты изменился, — осторожно заметил Ипполит.

Матвей поднял на него глаза.

Ипполит так же осторожно добавил:

— Ты вернулся... оттуда... другим.

Как и все в Петербурге, он избегал слова «война», пока она шла. А она все шла и шла, вернее, тащилась — потому что армия Наполеона именно что тащилась, теля людей и лошадей, а русская армия тащилась вслед за ней, тоже постепенно убывая, и непонятно было, когда и чем все это кончится.

— Да.

Матвей кашлянул. Выдавил:

— И я не уверен, что этот новый человек мне по душе. Я не знаю, как с ним быть.

Ипполит с облегчением откинулся на спинку кресла. Плечи его расслабились. Лицо смягчилось.

— Ты с ним познакомишься лучше, с этим новым собой. Потом научишься с ним обращаться. А потом полюбишь. В этом я уверен. Во всем есть плохие стороны, но есть и хорошие. И в этом новом тебе они тоже есть. Дай себе время, ты в них разберешься.

— Хочу надеяться, что ты прав, — кисло заметил Матвей.

— Я прав почти всегда, — стряхнул пепел Ипполит. — И я люблю тебя и старым, и новым, и даже если ты мне однажды заявишь, что решил поступить в актеры.

Матвей фыркнул.

После чего разговор перешел в практическую плоскость.

— Я хочу попросить тебя об одолжении, милый.

Матвей захохотал:

— Ипполит, ты великолепен! Сперва предупредил, что твоя братская любовь ко мне безгранична. А теперь просишь об одолжении. Чего ж ты хочешь? Говори.

Ипполит вынул портсигар, выудил не глядя сигарку.

— Ты тоже этого хочешь, просто еще не знаешь, что моя просьба касается соблюдения и твоих интересов тоже.

— Ну! Теперь я точно весь внимание.

— Я прошу тебя при случае заехать в Энск и проведать там дом, который мы накануне войны унаследовали от отцовской тетки.

Матвей изобразил удивление.

— У нас есть в Энске дом? Большой?

Ипполит закатил глаза:

— Не валяй дурака. Когда ты был там в последний раз, тебя уже вынули из пеленок. Ты носил штанишки.

— Нет, я все еще ходил в платице! Точно-точно! С розовым кушаком.

— А говоришь, что ничего не помнишь.

— Ты меня уел.

— Управляющий пишет, что дом немножечко пострадал... э-э-э... тем летом.

«Во время войны», — перевел Мурин.

Старший брат зажал сигарку зубами, наклонил к кремню в руке, раскурил, пыхнул, вынул изо рта:

— Весь крюк едва ли с полсотни верст.

Он смотрел на Матвея с надеждой. Брови младшего брата упрямо сдвинулись:

— Да, но... Зачем туда ехать самому? Тем более если немножко. Пусть починят.

— Да ведь от тебя ничего больше не потребуется. Там надо просто показаться, — принялся уговаривать Ипполит. — После... этого всего. Когда этот народ видит, что хозяин присматривает, они уже не позволяют себе распускаться.

— А ты что ж не поедешь сам?

— Я не смогу на них так гаркнуть, как ты, — принялся убеждать Ипполит. — Я штатское лицо. А у тебя и голос командирский. И гирлянды эти... — Он имел в виду эполеты. — Они точно примут тебя за генерала. Ты просто покажись им там. Рывкни. Что-нибудь вроде «Глядите у меня». Или «Я вас всех!». Чтоб знали, что мы бдим. И езжай себе дальше.

Он широко улыбнулся.

— И все? — не поверил Матвей.

Улыбка не погасла, но глаза Ипполита стали внимательнее.

— Выкладывай все как есть, — потребовал Матвей.

Ипполит со вздохом наклонил сигарку к пепельнице, постучал указательным пальцем по кончику:

— Дельце совсем небольшое. Захвати у управляющего список всего, что было повреждено или испорчено во время... этих событий.

— Зачем? Все равно того, что было, уже не вернуть.

Ипполит вдруг перебил его строго:

— Тут ты ошибаешься.

Матвей хмыкнул:

— Ах, вот оно что-о... Возмещение дворянству.

— Ты знал? — удивился теперь Ипполит. Лицо его стало собранным, хищным, он не любил утечек из департамента. — Откуда?

Матвей вспомнил своего невольного знакомого — Егорушку, пронырливого управляющего генеральши Глазовой, который купил в Москве четыре дома ровно перед самым пожаром. Не самое приятное знакомство!

— Это не так интересно.

Ипполит был не согласен. Но решил не давить:

— Как скажешь.

— Но я все же считаю, что лучше бы съездил ты. Списки, цифры — это все не по моей части.

Ипполит вздохнул. Разница между братьями была восемь лет, но в некоторых отношениях Матвей был сущее дитя. Ничто так не старит человека, как жизнь при дворе, тем паче при особе государя, даже такого очаровательного, как «наш дорогой ангел Александр Павлович». Ипполиту иногда казалось, что их разделяют не восемь лет, а восемнадцать.

— А что, по-твоему, я скажу государю?

— Что едешь в маленький отпуск.

— А зачем я еду в маленький отпуск туда, где только что творился сущий ад?

— А почему бы не сказать правду?

Ипполит фыркнул.

— Ведь государь сам изволил покрыть дворянству убытки, — не понял Матвей.

— М-да. Армия оглушает, — заметил Ипполит.

Матвей надулся. Ипполит ласково засмеялся и похлопал брата по колену:

— Ну-ну, я любя. Это была дружеская критика. Ты ничуть не глупей меня. Но ты же не будешь отрицать, что на ум человека влияет среда.

— Хорошо. Если ты отточил свой ум, тогда как я его затупил, то объясни мне, пока я ненароком все тебе не испортил.

— Ну что ты уж и набычился.

— Я не набычился. Я действительно не понимаю.

— Что ж. Посмотри на все глазами государя. Я прошу отпуск, чтобы сосчитать свои убытки. Что получается?

— Что ты желаешь знать точную сумму своих убытков.

— Нет. Получается, что я не доверяю слову государя, когда он обещает обо мне позаботиться.

— О господи.

— Милый мой, это как в любви. Чем больше ты до-
нимаешь женщину записками, тем меньше ей хочется
искать с тобой встреч.

Мурин нахмурился, мысли его понеслись: «Ах, Нина...» Не эту ли ошибку он допустил с ней? Был слишком настойчив? Неужели Нина — с виду своевольная, неукротимая — на самом деле всего лишь такая, как все?

Ипполит воспользовался заминкой:

— Я же не говорю: бросай все и езжай прямо сейчас. Я говорю: загляни и проверь, когда тебе представится удобный случай это сделать. Вы, военные, вечно снуете туда-сюда.

— Но, Ипполит, случай никогда не бывает удобным. В любом приказе, в любой подорожной всегда стоит черным по белому, куда я следую.

— О, наш управляющий вышлет тебе навстречу ку-
чера с повозкой прямо к почтовой станции, а потом
туда же тебя вернет. Никто не упрекнет нас в том, что бра-
тья Мурины катаются по своим делам за казенный счет.

Разговор этот состоялся осенью 1812 года. Но только весной 1813-го случай, на который уповал Ипполит, на-
конец Матвею представился.

ГЛАВА 2

Когда Мурин вошел утром в большую комнату, служившую на почтовой станции и общей залой, и столовой, четверо других замерли у окна, потрясенно созерцая что-то. Две пожилые барыни, по виду — местные помещицы, немолодой плешивый господин во фланелевом жилете, и один — совсем молодой и одетый крайне модно, даже щегольски, на английский лад. Они даже не пошевелились при звуке его шагов. Тишина была близка к обморочной. Посвистывал только самовар на столе. Мурин подошел, поглядел поверх голов и сам едва не ахнул.

Перемена за одну ночь случилась разительная. Вечор, когда Мурин подъезжал к станции, косо летел снежок, свистал ветер, гнул молоденькие деревца, тряс еловыми лапами. Заставлял потуже запахивать полость, прятать нос в воротник тулупа. От налипшего на него снега кучер впереди казался сугробом.

А утро — сияло и смеялось. Играло на скатах крыш, звенело птичьими трелями. Солнце блистало в ручьях, в лужицах, в каплях, которые срывались с карниза. Небо было неимоверной голубизны, и такими же голубыми были тени на снегу, который весь осел, стал каким-то нестрашным, ненастоящим: то ли вата, то ли взбитый белок.

— Дивная погода, — заметила барыня в шерстяной домашней шали. И тут же нахмурилась: — Кэль кошмар.

— М-да-с... — откликнулся господин в жилете. — Твердый факт.

— Факт-то твердый, Модест Петрович, это дорога растеклась.

После суровой зимы земля еще не оттаяла в глубине, но в верхнем слое медленно набухала от влаги. Очевидное пришлось признать. Настала пора, когда салям уже поздно, а колесам еще рано, когда одна верста превращается в пять — и каких мучительных! Пора в провинции безвыходная, непролазная, непреодолимая. Когда струйки превращаются в ручьи, ручьи сливаются в потоки, потоки в реки, а реки вспухают и выходят из берегов, заодно снося мосты, мельницы, причалы: русская весна!

— Ума не приложу, как теперь ехать. А вы что думаете, сударь? Откуда вы в наши края?

Молодой щеголь прищурился, безразлично посмотрел сквозь остальных, вынул из кармана очки с зелеными стеклами, надел. Точно в комнате не было живых существ, на которых стоило бросать его бесценный взгляд. Затем отошел в угол и сел в кресло.

Барыня смутилась. Остальные сделали вид, что не заметили бестактности молодого англомана в темных очках. Но на Мурина уже глянули робко — и с ним заговорить не решились. Отошли к столу, справедливо рассудив, что предстоящее дорожное испытание будет легче вынести на сытый желудок, нежели на голодный. Расселись по лавкам. Моська улеглась на коленях хозяйки.

Начали стучать чашки, блюдца, ложечки. Забормотали голоса. Не передадите ли варенье. Сливки-с, прошу. Попробуйте, дивный мед. А калач-то вчерашний. Полно? Я всегда отличу только что выпеченное от разогретого. Вам благоугодно малиновое или кружовенное?

Мурин один остался стоять у окна. Поставил локоть на оконную раму, подпер рукой висок, точно голову приходилось поддерживать — такая тяжесть вдруг навалилась. Давнишний разговор с Ипполитом вдруг опять пришел ему на ум. Чувства, о которых он осенью пробовал рассказать тогда старшему брату, с тех пор не только не исчезли, а еще усугубились.

Мурин смотрел на снег, волнисто исчерченный голубыми тенями от стволов. Вокруг стволов обозначились проталины, видна была коричневая земля. Пикала невидимая синица. Природа воскресала. Но Мурин не ощущал радости, которую всегда вызывала в нем весна. Рождающийся мир пугал его. Он казался совсем незнакомым. Как в него войти? Как в нем жить? «Или мир, который вот-вот родится, — тот же самый, что и всегда, а просто я разучился в нем жить?»

Ответов не было. А когда Мурин пробовал задумываться о них, голова его тяжелела, точно была набита мокрым песком.

«Что со мной такое?» — хотел бы он знать. «Я ли это?»

Может, его и окликали, любезно приглашая присоединиться к завтраку. Господин офицер? Только он не слышал.

Вокруг горячего самовара шел свой разговор. Три немолодых лица отражались в самоваре печеными

грушами. Одинаково подрагивали брыли, когда их хозяин или хозяйка принимались жевать кусок калача или пряник. Одинаково вытягивались трубочкой губы, чтобы втянуть горячую жидкость. Чашки то и дело замирали в воздухе, забытые в увлечении предметом обсуждения. Сплетничали.

— Сейчас многие если не разорены прямо, то на грани разорения. Только они этого нипочем не покажут. Мне еще покойная Юхнова советовала...

— Ах, сударь мой. — Дама отняла руку от моськи и прижала к своей пышной груди. — Как покойная? Вы про старую Юхнову?

— Про нее.

— Неужто она померла?

— Недавно схоронили. Вы не знали разве?

— Откуда, сударь мой? Я еще летом к дочери в Казань уехала.

— Бонапартия испугались? — живо и ядовито осведомилась вторая дама. — Да, не все, не все наши помещики обнаружили в себе силу духа и твердую веру в государя и силу русского воинства, чтобы остаться в своих имениях и разделить судьбу отечества. Но только тот, кто вкусил горечь лишений, по-настоящему утешает себя теперь сладостью любви к отечеству. Не так ли?

Она гордо выпрямилась. Дама с моськой несколько растерялась. Захлопала глазами, осмысляя новое положение вещей. Мир определенно изменился. Те, кто остались и «разделили судьбу отечества», претерпев невзгоды, сбились в партию себе подобных и выказывали

презрение тем, кто при известии о нашествии поспешил убраться подальше и переждать исторические события в покое и даже удобстве. Моська, почувствовав напряжение своей госпожи, подняла кудлатую голову и сказала: «р-р-р-р».

— Вовсе я не испугалась, — виновато засуетилась дама из «уехавших», поглаживая собачку. — Я верила в государя. А дочь моя на сносях тогда была, вот и попросила приехать. Я желала остаться в имении и довериться силе нашего воинства. Но дочь так настаивала, умоляла, известное дело, в ее положении, не могла же я ей отказать. Я же мать!

— Да я вас и не обвиняю ни в чем, и никто вас здесь не обвинит, — пожалла тощими, вернее, отощавшими плечами дама из «оставшихся».

Тон ее говорил: обвиним, и еще как. За месяцы войны они пережили столько, что теперь желали дать выход своим чувствам и обрушить их на тех, кто ничего подобного не пережил. Чтобы у бедной беглянки не осталось в этом сомнений, она добавила елеинно:

— Как можно обвинять кого-то в естественных проявлениях человеческой природы?

— Это в каких же? — с вызовом спросила дама с моськой.

— Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Дама с моськой стала пунцовой.

— Вы, сударыня... — начала она, а вторая дама из готовилась.

Стало ясно, что вот-вот полетят пух и перья. Но господин в жилете дипломатически поспешил подсунуть этим фуриям другую тему:

— О! Так, значит, вы еще не слыхали о странной смерти Юхновой?

Обе обернулись на него.

— Странной? — ответила дама с моськой.

— Ах, ну и померла, так что ж? — отмахнулась худая дама. Но Модест Петрович не сдался так легко:

— Не просто так она померла.

— Мы все когда-нибудь помрем. Царствие ей небесное.

— Отправиться в царствие небесное ей кое-кто помог.

Дама с моськой наконец сообразила, что ей бросили спасительный круг, и вцепилась в него обеими руками:

— Что вы такое говорите? Помогли? Кто? Как?

Модест Петрович скроил значительную физиономию:

— На этот счет у нас говорят, конечно, разное.

— Кэль кошмар... Что ж говорят?

— А вы бы не повторяли сплетни, Модест Петрович, — недовольно перебила худая дама.

— Это не сплетни. Мне доктор Фок сказал.

— Однако, — худая дама отняла от губ чашку. Мизинец оттопырен, тон не вызывал сомнений. От него стыл чай. — Доктор Фок?

— Уж доктора в таких вещах разбираются.

— Однако. Не очень-то мило со стороны доктора Фока так поступать. Он получает доступ в дома к страждущим людям в их слабости, а потом носит по городу сплетни о своих пациентах. Непременно дам ему это понять!

— Полностью согласна с вами, сударыня, — вдруг поддержала ее дама с моськой.

Пока эти двое пикировались, она обдумала свое новое положение. Выход из него был один: расположить к себе свою мучительницу. Голос дамы с моськой сделался подобострастным:

— Доктора так поступать не должны. Куда это годится? Есть вещи, которые должны оставаться в тайне.

— Вот-вот, о чем и я толкую, — буркнула худая дама.

Они переглянулись — уже как союзницы. Господин в жилете растерялся. Этой коалиции он не ожидал, пошел на попятную:

— Ну, доктор Фок не то чтобы рассказал. А так, намекнул.

— Еще хлеще! Сперва он входит в доверие к пациентам, а потом роняет повсюду намеки. Нет, я положительно сделаю доктору реприманд! Поразительно, как он сам таких простых вещей не понимает. Это не ком иль фо.

— Совсем не ком иль фо! — подхватила дама с моськой.

Господин опешил:

— Да я... Да доктор... Да на самом деле, он и не говорил ничего. Тут любой сообразит. Старая Юхнова ничем она не хворала. А напротив того, была весьма бодрa. С чего бы ей вдруг помирать, если только не...

— Фу! Как вам не совестно повторять сплетни.

— Вовсе я не повторяю. А просто сложил два и два! Разве вы не думали, что больно уж странно Юхнова померла?

Худая строго поджала губы:

— К одним смерть приходит внезапно, а другим дает возможность уладить дела и проститься с ближними.

Господин с надеждой воззрился на вторую даму. Она очень хотела послушать, что нынче болтают о таинственной кончине энской богачки Юхновой. Но остракизма со стороны худой дамы боялась еще больше. Оказавшись между этих двух огней, она замялась, порозовела. Но внезапно увидела выход:

— Ну и нравы у нынешней молодежи, — показала глазами она. — Только поглядите на этого ферта.

Все трое покосились на англомана.

Господин в жилете понял, что она дружески возвращает ему шанс восстановить мир, и шепнул соседкам:

— А давайте проучим этого нахала?

Они вытянули шеи. Глаза их заблестали в ответ. Мурин увидел, как три головы почти соприкоснулись лбами. Потом дамы стали искать в ридикюлях. Сунули что-то господину в жилете. Он подмигнул, вышел.

Мурин терялся в догадках, что за шутку они затеяли.

Дверь скрипнула, впустив холодный воздух. Но это был не Модест Петрович. Просунулась голова станционного смотрителя.

— Лошади поданы.

И точно, в окно было видно, что кучера выводят лошадей.

— Пора, — дама с моськой поставила перевернутую чашку на блюдце.

Пассажиры набросили верхнее платье, надели шляпы, высыпали во двор. Англоман сразу же отошел от них и направился к дорогой карете на рессорах.

Остальные проводили его взглядами, восторг про-
рывался на их лицах, как солнце сквозь тучи. Когда ка-
рета тяжело отвалила и поволоклась, улыбки так и за-
цвели ей вслед.

Мурину показалось, что карета отправилась в не-
верном направлении: туда, откуда прибыла накануне.
Но тут его самого окликнули:

— Ваше благородие!

Мурин увидал возок, присланный управляющим.
Кучер тотчас стащил шапку, спрыгнул с облучка, забрал
из его рук саквояж.

— А ты, барин, малость подрос с последнего при-
езда, — ухмыльнулся кучер. — Никак уже генерал?

Мурин вспомнил наставления Ипполита. Ответил
строго:

— Может, и генерал.

— Развезло-то как, — показал кучер вниз, грязь
жирно блестела в весенних лучах.

— Да, дрянь.

— Прорвемся, — пообещал кучер, сдвинул рукоя-
тью кнута шапку со лба. — Главное, не застаиваться.

Мурин понял, скорее заскочил внутрь. Крепкая ко-
ренастая лошадка напрягла шею, с чмокающим звуком
вырвала возок из грязи. Санки тяжело поволоклись.

Вскоре станция опустела. Петух, хлопая крыльями,
выскочил на забор. Распустил хвост. Задрал голову к бо-
жеству-солнцу, весь вытянулся, весь стал луженой глот-
кой и восславил его:

— Ку-ка-реку-у!

ГЛАВА 3

Двигались если и не быстро, то достаточно споро. Солнце пригревало. Мурин открыл окошки и постривал по сторонам.

Он думал о том, как приедет в Энск. В теплый дом, где последний раз был еще ребенком. Сразу в баню. Нет, сначала поест. Нет, сначала велит, чтобы натопили баню. А может, кто-то и сам там уже сообразил? Ждут же барина. Раз возок навстречу выслали. Ипполит сказал: управляющий ожидает. В бане залезет на самый верхний полоч. Прогрется до костей. Похлещет веником. Он представил, как будет капать с веника вода. Как липнут березовые листья к горячей влажной коже. Представил, как нальет воды на горячие камни. Поддаст пару. Пока не покажется, что задыхается. Что слезает старая шкура. Что ледяной камешек тоски растаял, вытек из души. А сам он стал мягкий, зыбкий, расплывчатый. Он представил, как затем натянет чистую рубашу и упадет в кровать. Какую? Да какую постелят к его приезду. Он припомнил, какие в доме были комнаты. Хоть большую в господской спальне. Хоть одну из узких.

Перины. Подушка. Благодать. Проснется новым человеком.

Потом перестал думать. Мысли его тянулись вместе с пейзажем и скоро сделались столь же однообразны. Вид за окном Мурин находил пленительным. Островкам снега соответствовали белые облака в вышине. Чернота мокрой земли подчеркивала голубое сияние неба. Пейзаж поражал разноцветностью не менее, чем оперение попугая, но был разноцветным совсем на другой, не тропический лад. Тона сдержанные, краски приглушенные — оливковые, бурые, карие, сизые, самые элегантные. Нагая роща в отдалении казалась пушистой. Тонкие чистые стволы берез пронизывали ее, как иглы. Но лучше всего в этом пейзаже были его широта и глубина. Грудь сама расправлялась, дышала глубже. Мурин наслаждался красотой весенней земли.

Запах поначалу почти не мешал.

Потом Мурин закрыл окошки.

Потом принужден был развязать и выпростать галстук и им завязать нос и рот.

А потом перестало помогать и это.

Запах заполнил его ноздри, голову. Заставлял сердце тяжело биться. В горле жгло горечью. Голову вело. Желудок то и дело сводило рвотными позывами. Мурин припомнил, что ел на завтрак. Чай с калачом и простоквашу. И как только он это припомнил, его вырвало: едва успел сорвать с лица шарф и раздвинуть колени, чтобы не забрызгать тулуп и рейтузы, сменных у него с собой все равно не было.

Тут уж запах завладел им полностью. Окутал, как пухлое зловонное сочащееся одеяло. Застил глаза.

— Стой!!! — заорал Мурин. — Стой!!!

И еще до того, как санки остановились, выскочил, не соображая, что делает. Память тела: выскочить на свежий воздух. Ошибка. Воздуха снаружи не было вообще. Было только это тошное, сладковатое зловоние, густое, страшное. Солнечная радость березовой рощицы, которую Мурин видал издалека, а теперь подъехал к ней вплотную, белые стволы, длинные тонкие ветви, голубое небо, все это кошмарно не соответствовало зловонию, точно то были элементы, совмещенные прихотью дурного сна. Вот только проснуться от него не получалось. Мурин зажал нос и рот в сгиб локтя. Глаза слезились. Самая белизна берез казалась теперь белизною запорошенных мундиров. Длинные ветви пошевеливались, как волосы на голове мертвеца. Сколько он повидал таких мертвецов этой зимой: с одной стороны обгорелых в отчаянной попытке согреться у огня, с другой — обмороженных. Тогда ему казалось, что ничего ужаснее он в жизни своей не увидит.

Теперь уже не был так уверен.

Кучер удивленно наблюдал с облучка. Он не совсем понимал, чего это барин заколдобился. Дорогой растрясло? Худо стало, что ль?

— Чего?

— Бож-же, — шипел Мурин себе в рукав. — Во нищ-ща... — расслышал кучер.

— А, — сказал он безмятежно и указал на рощу: — Это-то? Так это француз гниёт.

Но Мурин уже заметил поодаль, между корней, русский кивер.

Одной рукой зажимая галстуком нос и рот, другой хватаясь за стволы, так как вынимать ноги из талой

жижи было трудновато, а раненая тут же принялась стелать и жаловаться, Мурин вошел в рощу.

Здесь, среди стволов, снег держался, ноздреватый и твердый, но все еще белый. Пестрота мундиров ударила в глаза. Бой, что прошел здесь, явно был из тех, что никто не упоминает в рапорте, не описывает в письмах родным, а потом не вспоминает. Выбили французов из рощи. Потом французы выбили нас. Потом все покатило дальше. Или: внезапно налетели на... Или: приотстали от основных сил, и тут... Или: пришел приказ перегруппироваться. Словом, бой бессмысленный, ничего не решивший. А для этих людей жизнь здесь кончилась. Несоизмеримость уплаченной цены поразила Мурина.

Он отшатнулся, выкатился из рощи. Сапоги сразу утопили по щиколотку.

Грудь теснило, перед глазами роились точки, и, чтобы высвободиться, задышать, Мурин заорал на кучера — больше не на кого было:

— Какой, твою мать, француз! Ты глаза разуй!

— Ну и наш брат русачок тоже там, — не стал спорить кучер. — Все там вперекладку.

— Гос-с-споди... — сквозь зубы вырвалось у Мурина. — Оставить тела! Лежать! Непогребенными! Вы ж здесь живете! Да люди вы или...

— Да мы в мундирах не волочем! — оправдывался кучер. — Откуда нам знать, где чей мундир. Господь разберется. А лисам да волкам все равно.

От последнего замечания Мурин взвился:

— Ах ты, каналья!

Кучер умел отличать напускной гнев от настоящего. А этот гнев еще и был в вершке от рукоприкладства. Стал оправдываться:

— Да как же прикажешь понять, барин, наш это или француз?

— Да какая разница!

— Вот и я толкую: никакой.

Мурин трясся:

— Это же люди! Люди! Вы же — люди!.. Люди!.. Они — люди! — Мурина казалось, он излагает проблему довольно ясно.

Кучер кротко внимал.

Он видел, что барин брызгает слюной, что челюсть у него дрожит, что жилы на лбу вздулись. Кучер вспомнил соседа, Ивашку Кторова: тот тоже ходил Бонапартия бить, в ополчение. И тоже припадочным стал, когда вернулся. Вот ведь: мужик ли, барин, всё одно. Об чем и речь: никакой разницы. «Одна доля солдатская, эх», — пожалел кучер обоих горемык.

— Так-то оно так, — миролюбиво согласился. — Только ты, барин, может, в санках мысль свою мне дообъясни. — И сочувственно предложил с облучка: — А то как бы не утоп.

И указал вниз на его ступни. Мурин глянул и перхнулся словами. Ноги его ушли в грязь по самые икры. Мурин рванул, чтобы шагнуть. Не тут-то было. Он принялся махать руками и рваться. Но только почувствовал себя мухой, неосмотрительно присевшей на поверхность варенья.

Березы элегически внимали его усилиям. По ним пробежал теплый ветерок. Шевелил длинные ветви.

— Да что ж ты бурки выкатил! Помоги! — завопил Мурин.

Кучер спрыгнул. Принялся тянуть Мурина за руки. Не помогло. Обхватил за талию. Крякнул. Приподнял. И в самом деле вынул.

Только сапоги остались стоять, где стояли. Они напоминали две небольшие трубы, по каким-то причинам врытые в землю — будто за сим должно было последовать дальнейшее строительство, но планы переменялись.

— Канальство!

Мурин ухватил один сапог за кожаные ушки, пришитые к краю голенища, в рутинных обстоятельствах эти ушки были предназначены для того, чтобы лучше натянуть сапог на ногу, ловчее облечь икры. Мурин принялся тянуть на себя. Кучер подвинул его задом. Мурин понятливо уступил ему одно ушко. Потянули в четыре руки. Мурин скомандовал:

— Ать — два!

Кучер матюгнулся, напряг последние жилы. Со вздохом, чавкнув, грязь отпустила добычу. Сапог был покрыт как бы глазурью, из черного сделался бурым.

Поспешно ухватились за второй. Оба уже были равно красные, злые, потные, перемазанные.

— Ать... — два!

Но сколько ни тянули, только оторвали ушки, Мурин при этом хлопнулся на зад. В последний момент успел подставить руки, и его растопыренные пальцы

грязь обхватила мягко, даже ласково: будто упал в холодную овсяную кашу.

Кучер вытер шапкой лоб и обрисовал перспективы дальнейших усилий. Хватило трех букв. Мурин был того же мнения.

Пришлось отступить. Подобрали спасенный сапог. Вынув припасенную для подобных okazji доску и подложив ее спереди под полозья — пока кучер нахлестывал конька вожжами — извлекли из грязи возок, также успевший стать ее добычей.

Мурин запрыгнул в него на ходу.

Скоро выехали на черную ленту грязи, в летнее и зимнее время называемую дорогой.

Пейзаж больше не радовал. Его равнодушие било холодом. Деревья теперь будто говорили: живем триста лет, можем и пятьсот, а ты? Мурин чувствовал, как в ответ поднимается тоска. Война побывала здесь. Он только что видел ее следы. «Чудовище, которое не разжимает когти. Если оно тебя сцапало, то сцапало навсегда». От усталости он думал по-французски, на том языке, который в жизни выучил первым.

Кучер болтал что-то. О том, какие имения в округе погорели, в каких было растащено имущество, а кто умудрился зарыть свои ценности перед самым приходом французов. Что-то было про Юхновых.

Мурин сидел, уткнув нос в овчинный воротник. Мелькали мимо деревья. Мелькало между ними низкое солнце. Потом замелькали дома, заборы, вывески. Воздух здесь был теплей. Печные дымы стояли, выгнувшись, как беличьи хвосты. Чирикали воробьи. В одном

сапоге, неуверенно пожимая пальцами босой ступни, промокший, замерзший, голодный, Мурин въехал в Энск.

Возок прокатил по главной улице. Свернул, остановился.

— Приехали, барин.

Мурин толкнул дверцу. Но не поднялся. Не смог. Остался сидеть. Этот запах он тоже сразу узнал — запах цапнул его за нос, не отпускал. Горький, едкий, тревожный. Мурин на всю жизнь запомнил его в Москве: запах старой гари.

Мурин смотрел в проем дверцы. Дома не было. Это казалось тем более невероятным, что соседский дом напротив через улицу стоял как ни в чем не бывало и даже ничуть не изменился.

Мурин вышел, хлопнул дверцей. Припал на босую ногу, которую обжег холод. Осторожно поставил ее так, чтобы едва касаться стылой поверхности. Обвел взглядом пожарище. Снег за зиму припорошил многое, но скрыл не всё. Закопченные останки, опаленные кирпичи, почерневшие балки вырисовывались отчетливо, как только умеет черное на белом. Торчали пни. Было слышно, как Энск живет своей жизнью: поскрипывала колодезная цепь, перекликались, играя, дети, брехнула собака, баском ответила другая.

— Вот оно, значит, как, — заметил осторожно кучер. Похлопал рука об руку. Он стал зябнуть.

— Да, — отозвался Мурин.

— Прикажете свезти вас в трактир и спросить там комнату?

Мурин медленно повернул голову.

— Или, может, на станцию прикажете вас воротить? — вкрадчиво предложил кучер.

Что-то в его голосе заставило Мурина нахмуриться. Он посмотрел на фигуру кучера, точно это был не мужик, который помнил его ребенком, а незнакомый человек. Война была рекой. Кто-то ее переплыл, кто-то в ней сгинул. Но никто, никто не вышел на другой берег, оставшись прежним. «Кто был этот кучер теперь?» — подумал Мурин.

— Господин Мурин! — изумленно зазвенел, отвлек его дребезжащий голосок. Приветливый, но совершенно незнакомый.

Мурин обернулся. Он не сразу понял, откуда этот голос доносился. Потом увидел: в окне бельэтажа на другой стороне улицы стояла толстая барыня в сером платье и махала ему.

Он понятия не имел, кто она. Но она, похоже, знала его давно.

— Матвейка! Ты же — Матвейка? Вырос-то как! — Она умиленно окинула его с головы до ног, одной обувью, одной босой, округлила глаза, всплеснула, замахала ручками: — Ты ж простудишься! Скорее, скорее в дом! Там все друг другу и расскажем!

ГЛАВА 4

Мурин проснулся оттого, что на него смотрят. Повернул голову. В спальне было темно, светилась только замочная скважина. Сопение за дверью стихло. Мурин откинул перину. Спустил ноги на холодный пол. Поежил. Зевнул, прикрывая рот кулаком. А потом одним прыжком оказался у двери. От нее прянули, затоптали войлочные шаги. Мурин усмехнулся. Сосчитал про себя до десяти. Нет, не успел. Разведка уже донесла. На счет «девять» в дверь стукнули.

— Пожалуйста умываться, барин.

— Входи.

Вошел немолодой слуга с тазиком. В нем ходуном ходила вода, валил пар. Через плечо полотенце. Следом мальчик в войлочных ботах нес кувшин в одной руке, свечу в другой. Тускло блеснули в ответ позументы. При виде гусарской форменной куртки со шнурами, висевшей на ширме, и сабли вместе со всею положенной по уставу сбруей он так и замер, разинув рот. Старик поставил таз на комод.

— Изволите, чтобы вас одели?

— Нет-нет, спасибо. Я сам.

Старик и бровью не шевельнул.

— Миша, не зявай, — тихо, но строго напомнил мальчику.

Того как ветром сдуло.

Крякнув, старик наклонился, забрал из-под кровати ночной горшок, закрытый крышкой. Затворил за собой дверь.

Свет от свечи напоминал апельсин из оранжереи Строгановых. Мурина охватило блаженство. Захотелось повалиться обратно, в нагретые собственным телом перины, обнять весь мир и так заснуть. Но возможности человека не безграничны. Спать не хотелось. К тому же следовало поспешить, пока не остыла вода.

Мурин побрился, высушил полотенцем бакенбарды и усы, расправил, подкрутил рукой. Куртка казалась противной и тесной, как змеиная кожа. Рейтузы вызывали отвращение. Тело просило халат. Сапог был уже отмыт от грязи и обсушен. Мурин подержал его в руках с сомнением. Счел, что либо два, либо ни одного. Поставил у кровати. И босиком отправился в столовую.

Обе дамы уже сидели за столом. Одною была Агафья Тихоновна Макарова. Другую — ее сестра Варвара. Ни одной Мурин не помнил. Но обе дамы прекрасно помнили его. «В платьице! — бурно умилялись они. — С розовым кушачком!» Здесь воспоминания всех троих пересекались. А ту часть их жизни, которой Мурин видеть не мог, престарелые сестры сами ему поведали вчера за ужином.

Агафья вышла замуж, переехала к мужу в имение, вырастила и женила детей, овдовела. Варвара же все это время жила с родителями, обоих похоронила и осталась одна в семейном доме — по соседству с теткой Мурина. Нашествие обеих повергло в смятение, и сестры сочли